

Сопоставление культур через посредство категории “Коммуникативный идеал”

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ, НАТАЛЯ Б. РОГАЧЁВА
(Саратов)

В настоящей статье осуществлена начальная попытка типологизации национальных культур на основе одной из важнейших культурных ценностей – коммуникативного идеала (далее – КИ). Мы понимаем КИ как основополагающие правила коммуникации на данном языке в рамках данной культуры, которые разделяются всеми говорящими на данном языке. На коммуникативном идеале в значительной степени базируется общая система речевых норм¹.

В коммуникативной компетенции КИ находится в виде набора утверждений о фундаментальных свойствах коммуникации, которые некритично принимаются как истинные для любой ситуации использования языка. КИ имеет абсолютный, безотносительный характер для всех форм и видов коммуникации в данной культуре (формулировка “люди говорят, что...” на метаязыке семантических

¹ На коммуникативном идеале базируется и система языковых норм (хотя и не столь очевидным образом); более того, сами правила языка носителями часто осознаются именно как представление об образцовом языке, который может ассоциироваться, например, с языком социальной или профессиональной элиты или даже другим национальным языком. Как известно, для французского языка до конца XVIII века образцовым был манерный, “куртуазный” язык Версаля, после революции же происходит демократизация и закрепление многих простонародных форм (Лафарг 1930).

примитивов; см. ниже), обуславливает представления о табуируемом и предписываемом, коммуникативных неудачах, “хорошей” и “плохой” речи, так или иначе учитывается при использовании всех языковых и речевых единиц, жанров речи, в том числе тех, правила которых противоречат КИ.

Речевые знания и умения – нормы вербальной и невербальной коммуникации, коммуникативные категории, жанры, речевые и функционально-речевые стили – составляют систему коммуникативных концептов и ценностей данной культуры, или коммуникативную концептосферу, в центре которой находится КИ.

Как известно, ценности самого общего характера проистекают из самоочевидных витальных потребностей людей: “Необходимо есть и спать”, “следует отличаться от животных”; наряду с ними существуют утилитарные и моральные нормы поведения, также имеющие “общечеловеческий” характер. Среди общекультурных ценностей выделяются особые ценности, существующие как нормы поведения, например: “Нельзя причинять вред своим”, “Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)”, “Нельзя бросать людей в беде”, “Нельзя быть неблагодарным”, “Следует быть честным”, “Следует советоваться с людьми” (Карасик 2002; *Языковая личность* 1996). Наконец, существуют коммуникативные ценности, которые можно понимать как частное проявление поведенческих ценностей и норм. Проблема коммуникативных ценностей объективно наиболее близка лингвистике (так, многие исследователи указывают на корреляцию коммуникативных ценностей с коммуникативными постулатами П. Грайса), хотя пока она еще далека от окончательного решения. Коммуникативные концепты выделяются из общей системы концептов тем, что имеют четкое композиционно-тематическое-стилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых (коммуникативных) жанров, или компонентов речевых жанров (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры. Представляется оправданным считать универсалией ценность человеческого общения, несмотря на существование значительных различий между конкретными формами нормального протекания общения в разных культурах (варьируются представления о коммуникации, начиная с общих представлений о цели и предназначении коммуникации, ее

успешности, качестве, а также критериев оценки качества коммуникации, представлений о допустимом и недопустимом в ней), разных человеческих темпераментов, экстравертов и интровертов и т.д. Показательно выделение Дж. Личем фатической максимы (Phatic Maxim): “Избегай молчания. Поддерживай разговор” как частного проявления максим согласия и симпатии, наряду с такими грайсовскими максимами, как максима количества, качества, способа, отношения (Leech 1983: 141). Гораздо сложнее обстоит дело с такими понятиями, как, например, искренность, открытость, прямота, общительность, эмоциональность. Это уже далеко не абсолютные ценности. Названные и многие другие понятия всегда являются оценочными, но содержат (по крайней мере, в некоторых культурах) принципиально амбивалентную оценку (некоторые из них рассматриваются в Степанов 1997; Верещагин, Костомаров 2005).

Понятие коммуникативного идеала как представление об образцовой речи, основополагающее для общего представления не только об использовании системы языка, но и о самой системе, разрабатывалось еще в классических трудах по риторике, начиная от Аристотеля (риторический идеал; см.: Лихачев 1987). Согласно И.А. Стернину (2003), коммуникативный идеал можно понимать как “стереотипное представление об идеальном собеседнике, присутствующее в сознании народа”. В последние годы на стыке концептологии, лингвокультурологии и теории речевых жанров развивается новое синтетическое направление – когнитивная генристика (*Жанры речи* 2005; Дементьев, Фенина 2005; Слышкин 2004; 2005), одной из главных задач которой является построение лингвокультурологической / концептологической типологии РЖ. В основе этой типологии лежит деление жанров и жанровых образований, используемых в коммуникативном пространстве внутри определенной речевой культуры, на поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею.

Своеобразие культурно-коммуникативного пространства внутри конкретной речевой культуры определяется соотношением всех поддерживаемых и не поддерживаемых жанров.

По-видимому, коммуникативный идеал можно изучать как особый коммуникативный концепт, используя разработанную лингвокультурологическую / концептологическую методологию, то есть через образный, понятийный, ценностный компоненты данного концепта, их

отражение в лексике, идиоматике и грамматике языка, этимологии и т.д. На практике же исследования такого рода почти не осуществлялись.

Достаточно сложно подобрать полностью представительный для данной цели исследования материал, учитывая, что, с одной стороны, КИ всегда так или иначе стоит за любой ситуацией речи и рефлексией над ней, оценкой ее, а с другой стороны, – что людям, вообще, не свойственно обсуждать КИ в силу его безотносительности и некритичного отношения к нему (косвенно же обращение к КИ, сравнение с ним практически всегда так или иначе присутствует в речи и часто отражается в языке).

Думается, что доброкачественный материал дает, во-первых, языковая идиоматика, образуемая лексемами, называющими ключевые ценностные понятия данной культуры (Вежбицкая 2001), например, для русской культуры это идиоматика, образуемая лексемами *совесть, душа и правда* (ср. название жанра *разговор по душам*, название стратегии *резать правду(-матку)* или качество человека, разговора и т.д., называемое прилагательным *душевный*).

Так, Л.В. Балашова анализирует около 500 русских фразеологизмов, пословиц и поговорок, содержащих информацию о самом процессе коммуникации, речевых жанрах, результате речевого взаимодействия. Подчеркивается противоречивый характер отраженного в идиоматике отношения языкового коллектива к этому виду деятельности: с одной стороны, во фразеологизмах, пословицах и поговорках отмечается чрезвычайная сила воздействия слова, коммуникативной деятельности на судьбу человека и общества (ср.: *язык с Богом беседует; мал язык, да всем телом владеет*). С другой стороны, сам процесс коммуникации, будучи противопоставлен трудовой деятельности, воспринимается как нецеленаправленная и нерезультативная форма человеческого существования и оценивается негативно (*аминем беса не избыть; языком масла не собьешь; не спеши языком, спеши делом*). Отрицательная оценка распространяется на рассказчика, любителя поговорить (*рассказчики не годятся в приказчики; складно бает, да дела не знает; на словах – блажен муж, а на деле – скую шаташася*) (Балашова 2003: 93-94). Власть языка над личностью говорящего – от нечистого, речь может восприниматься как греховное деяние, тогда как сдержанность в речи и молчание – как добродетель и проявление ума (*и глух и нем – греха не вем; больше говорить – больше согрешить; языке, супостате, губителю мой*) (там же: 99-100). Некоторые русские фразеологизмы, по данным Л.В. Балашовой, непосредственно описывают русский коммуникативный идеал: “В идеале говорящий [разрядка наша – В.Д., Н.Р.] должен быть откровенным, открытым, искренним или отказаться от общения (ср.: *говорить, так договаривать, а не договаривать, так и не говорить; чье правое дело, то говори смело; на великое дело – великое слово; невелика беседа, да честна*)” (там же: 106-107).

Во-вторых, это разнообразные рефлексивы, или метаязыковое комментирование, высказывания о языке и речи, принадлежащие различным сферам и типам общения, как повседневно-бытовой, так и небытовой (от публицистической до лингвистической) коммуникации. Данные явления активно изучаются (нп. Гак 1994: 6-10; Вепрева 2002).

Целый ряд исследований, посвященных выявлению сходных явлений и качеств состояния языка и речи, вошел в коллективную монографию *Язык о языке* (М., 2000). Так, статьи М.Я. Гловинской, В.З. Демьянкова, А.А. Зализняк, И.М. Кобозевой посвящены семантике слов со значением передачи информации: согласно А.А. Зализняк, *говорить* – это уникальное семиотическое слово, поскольку “[...] внеязыковая ситуация, с которой он [глагол *говорить* – В.Д., Н.Р.] соотносится, является одновременно языковой, так как это ситуация высказывания” (там же: 381).

В-третьих, представляется перспективным изучение тех персонажей русской, английской, французской, польской и т.д. литературы, которые могут пониматься как модели идеальных собеседников (идеальных говорящих, идеальных слушающих) в соответствующих культурах – ср., например, образ Сирано де Бержерака из пьесы Эдмона Ростана или таких персонажей русской литературы, как Василий Тёркин из одноименной поэмы А.Т. Твардовского, князь Мышкин из романа Ф.М. Достоевского *Идиот*².

Коммуникативное поведение и рефлексия данных персонажей могут быть рассмотрены через призму таких значимых (или ключевых) для русской речевой культуры категорий, как степень прямоты и непосредственности выражения в речи своих желаний, мыслей, чувств (в том числе – несогласия с собеседником); эмоциональность речи; склонность/несклонность к крайним и категоричным моральным

2 Между Тёркиным и князем Мышкиным, несомненно, существует огромная разница, заключающаяся не только в том, что они жили в разные исторические эпохи и при разных государственных режимах, но и в том, что они принадлежали к разным слоям общества. Все эти факторы, разумеется, отражаются в их речи. Так, для князя Мышкина, по-видимому, было бы абсолютно невозможно назвать своих собеседников чертями (глава *Тёркин пишет: Обнимаю вас, чертей*) или употребить такие просторечные формы, как *тыща, нейдет, ударить в башку*.

суждениям; значимость противопоставления “свой ~ чужой”³ и выражение отношения к собеседнику через посредство концепта “дружба”; выражение отношения к содержанию высказывания через посредство концепта “правда”.

В-четвертых, возможно экспериментальное изучение КИ.

Так, первичное экспериментальное изучение русского коммуникативного идеала осуществляет И.А. Стернин (2003). Информантам (образованным людям: мужчинам, женщинам, жителям города, села, райцентра) предлагалось ответить на вопрос: “Идеальный собеседник – какой?”. Результаты, выявленные И.А. Стерниным, показали, что в русской культуре самым важным качеством “идеального собеседника” является умение слушать – по частотности ответов это качество опережает ум, образованность и намного опережает чувство юмора, вежливость, хорошие манеры, общительность, интеллигентность.

В-пятых, КИ занимает важное место в системе утверждений об особенностях национальных речевых культур, формулируемых А. Вежбицкой и ее последователями на языке семантических примитивов – системе сценариев, скриптов и других комплексов идей, ценностей, концептов. То, что можно считать идеалом, складывается из ценностей, описываемых на семантическом метаязыке посредством простых утвердительных формулировок: “хорошо, когда...” (“хорошо, когда люди...”/“хорошо, когда кто-то...”). (Впрочем, непременно двухчленная структура данных формулировок обуславливает некоторую вариативность, зависимость их истинности/ложности от конкретных обстоятельств.) “Простота” формулировок означает, что утверждения не сопровождаются левым или правым контекстом (анафора и катафора вообще противоречат духу метаязыка семантических примитивов). Таким образом, формулировки на языке семантических примитивов с “хорошо” и без “если” – это, как правило, и есть те основополагающие утверждения о коммуникации на данном языке в рамках данной культуры, которые некритично разделяются всеми говорящими на данном языке в любой ситуации использования языка. Формулировки с

3 Мысль о том, что некоторые вещи можно говорить только при “своих”, отражена во многих русских пословицах, например: *сказал бы много, да сосед у порога; сказал бы словечко, да волк недалечко; сказал бы, да лишние бревна/сучки в стене есть; не всякую думку при людях думай; из избы сору не выноси, а в уголок коп; см. ниже об оппозитивности русской культуры.*

анафорой и катафорой, то есть с “если”/“когда”, – положения и утверждения, которые верны не для любого случая социального взаимодействия, а лишь для отдельных ситуаций, сфер общения, некоторых индивидуальных стечений обстоятельств.

Вот несколько формулировок для разных культур, произвольно выбранных из исследований А. Вежбицкой и ее учеников. Они, на наш взгляд, или непосредственно описывают КИ в данной культуре, или проистекают из него, то есть некритично разделяются всеми говорящими на данном языке:

Для русской культуры:

хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает
хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он чувствует

Для современной англосаксонской культуры:

хорошо, если люди могут знать, что другие люди хотят сказать

Для японской культуры:

хорошо не говорить того, что я думаю
хорошо не говорить того, что я чувствую

Для польской культуры:

хорошо говорить другим людям что-то вроде:
«я так не думаю»

Можно, вероятно, спорить с удачностью и точностью данных формулировок, однако несомненно, что они отражают (или хотя бы должны отражать по замыслу) именно абсолютные, безотносительные и объективно существующие представления об “образцовом”, существующие в данных культурах.

Для сравнения приведем группу сценариев (тоже произвольно выбранных нами), которые нельзя считать абсолютными, истинными для любой ситуации, – это, так сказать, формулировки с “если”/“когда”:

Для русской культуры:

люди говорят два рода вещей другим людям
вещи одного рода – правда
хорошо, если кто-то хочет говорить *вещи этого рода* другим людям

вещи второго рода – неправда

нехорошо, если кто-то хочет говорить *вещи этого второго рода* другим людям

плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что *эти вещи* – правда

Для современной англосаксонской культуры:

Хорошо, если люди могут знать *некоторые вещи о некоторых вещах*

многие люди не знают этих вещей

люди знают, что когда кто-то думает что-то о чем-то, это может не быть правда,

хорошо, если люди могут знать *о некоторых вещах*, что эти вещи – правда,

Для японской культуры:

если некто говорит мне что-то о чем-то

хорошо сказать этому человеку что-то вроде:

«я бы сказал так же»

Для культуры янкунитьятьяра:

нехорошо говорить *такие вещи такому человеку* (состоящему со мной в отношениях *itari*, которые возникают между женщиной и его тестем и тещей и основываются на тайных ритуалах инициации, превращающих юношу в посвященного мужчину):

этот человек, это место, эта вещь

я не хочу этого, я не думаю так, как вы

я хочу, чтобы вы сделали что-то, я хочу, чтобы вы сказали что-то

Конечно, в системе концептов даже одной национально-речевой культуры всегда существуют противоречия, детально рассмотренные, например, в исследованиях по национальной паремиологии, “фразеологическим картинам мира” (Савицкий 1996; Телия 1996; *Фразеология в контексте культуры* 1999; Glass 1987; Seidl, McMordie 1988; Wood 1967). Как концептосфера в целом, коммуникативная концептосфера имеет сложный, противоречивый характер, также находящий отражение в лексике и фразеологии данного языка (Рождественский 1978; Сперанская 1999; Балашова 2003). Данное свойство коммуникативной концептосферы хорошо известно в когнитивной лингвистике, особенно – в активно развивающейся сейчас сравнительной лингвокультурологии (например, Гудков 2003; Карасик 1996; 2002; Красных 2002; Слышкин 2004).

Современные исследования по лингвокультурологии показывают, что в пределах одной культуры (например, русской) могут сосуществовать разные ценности: “Своими особыми картинами мира характеризуются [...] различные диалекты русского языка, язык фольклора [...], городское просторечие, различные жаргоны, обценный дискурс [...]. Иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия. [...] Границы между разными системами этики находят отражение в языке, но не совпадают с границами между языками. [...] мы можем говорить о традиционных христианских этических представлениях, современных бытовых представлениях и т.п.” (Шмелев 2002: 14-15).

Общее пространство коммуникативных концептов значительно меняется во времени; в частности, в последнее время многочисленные и существенные изменения происходят в русской концептосфере. Так, по мнению И.Т. Вепревой, “постперестроечное” русское национальное самосознание во многом стремится избавиться от пресловутой русской пассивности, безответственности, фатализма: “[...] русские за период с 1989 по 1999 год стали в собственном массовом воображении значительно более энергичными, гостеприимными, открытыми, простыми и даже более трудолюбивыми, реже бичуют себя за непрактичность и безответственность” (Вепрева 2002: 304); выделяются новые лидеры: “Следующая за новой идеологией, примыкающая к ней часть общества – это тип активных личностей, логично мыслящих, обладающих высоким интеллектуальным статусом, с постоянным стремлением адаптироваться к изменениям в обществе” (там же: 323).

Как никто не владеет всеми словами/правилами родного языка, ни один носитель языка не владеет всеми речевыми жанрами. Согласно К.Ф. Седову, “есть бытовые жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга” (Седов 1998: 19); так, по мнению исследователя, языковые личности в целом делятся на тех, кто в зоне фатического общения тяготеет к жанру дружеской беседы, и тех, кто склоняется к болтовне / сплетне.

В цикле работ Саратовской лингвистической школы, посвященных внутринациональным речевым культурам, осуществляется классификация языковых личностей с точки зрения принадлежности к той или

иной внутринациональной речевой культуре (Гольдин, Сиротинина 1993; Иванчук 2005).

При выделении типов культур (элитарная, среднелитературная, фамильярно-разговорная и т.д.) главным основанием классификации является противопоставление по полноте коммуникативно-речевой компетенции; так, в позднейших вариантах классификации термину *элитарная языковая личность* предпочтен *полнофункциональная*, иногда наряду со *среднелитературной* выделяется *неполнофункциональная* языковая личность и т.д. (Сиротинина 2003). Таким образом, элитарная, или ПОЛНОфункциональная, языковая личность противопоставлена НЕ-полнофункциональной языковой личности.

Очевидно, что само по себе выделение полнофункциональной и неполнофункциональной языковой личности является малоинформативным, почти фикцией, как почти фикцией, научной абстракцией является совершенно ПОЛНОфункциональная языковая личность: по-видимому, можно говорить лишь о “степени полнофункциональности”. Очевидно, что о полной коммуникативной компетенции, представляющей собой набор всех возможных знаний обо всех типах ситуаций, событий, хронотопов и т.д., а также соответствующих умений, можно говорить лишь как о своеобразном идеале. На практике пользуются (ограниченными) возможностями, предоставляемыми языком и речью, взаимодействуют друг с другом и при этом являются полноценными членами социума люди с лакунами в коммуникативной компетенции, или НЕ-полнофункциональные (НЕ-элитарные и т.п.) языковые личности – или, собственно, реальные языковые личности.

Такой же градуальный характер носит также основывающееся на полноте коммуникативной компетенции противопоставление агентов, клиентов и маргиналов (Карасик 2002: 292-293). Думается, названная триада может пониматься, во-первых, как иерархия, которая строится по убыванию степени полноты коммуникативной компетенции в области институционального дискурса (в этом понимании клиенты – те же маргиналы, но участвующие в ситуации институционального общения и взаимодействующие с агентами, т.е. теми, кто владеет кодом данного института). Во-вторых, данная триада может пониматься как двойное противопоставление по степени полноты коммуникативной компетенции (в этом понимании маргиналы, не владеющие кодом

данного института, противопоставляются и агентам, и клиентам, которые играют разные роли, но по одним и тем же правилам и в равной степени владеют кодом).

Варьирование коммуникативных концептов, кратко представленное здесь, соответствует многообразию и вариативности частных правил коммуникации (формулировок с “если”/“когда” на языке семантических примитивов): коммуникативные сценарии, скрипты и т.д., выявленные в разных речевых культурах, дают хотя и объективное и комплексное, но скорее противоречивое представление как о нормах, так и общей картине коммуникации.

Сказанное не относится к коммуникативному идеалу, который, как правило, имеет четкий и однозначный характер, “прост” для любого носителя языка, обычно не допускает вариативности и инотолкований. Он, так сказать, ясен, немногословен и обычно не подлежит обсуждению и оценке.

По-видимому, это главное, что отличает один коммуникативный идеал от многих частных коммуникативных сценариев.

Коммуникативный идеал в каком-то смысле противостоит множественности коммуникативных правил, преодолевает ее, хотя, вероятно, изучение идеала поможет лучше понять названную систему, увидеть в ней большую системность и даже снять некоторые противоречия.

Коммуникативный идеал можно уподобить ядру своеобразного поля, а частные коммуникативные сценарии – периферии. К сожалению, во многих исследованиях не проводится четкое отграничение ядра от периферии.

Нет этого отграничения и в коллективной монографии *Хорошая речь* (2001), само название которой как будто бы отсылает читателей к ядру: казалось бы, естественно было ожидать простого и однозначного определения хорошей (русской) речи. В действительности же в коллективной монографии речь идет только о периферии: “Совершенно очевидно, [...] что не может быть одинакова речь письменная и устная, монологическая и диалогическая, речь в условиях публичного или массового и в условиях неофициального общения и т.д. Отсюда зависимость оценки речи от функционально-стилевой принадлежности, формы (устная / письменная) и условий ее осуществления. [...] хорошая это речь или плохая, нельзя решать вне учета ее ситуации, поставленных говорящим (пишущим) коммуникативных задач” (там же: 17). Автор-

ами коллективной монографии было выявлено огромное разнообразие норм для разных сфер и форм общения, а понятию коммуникативного идеала вообще не нашлось места.

Эту же вариативность отражают некоторые современные исследования, например, изучение коммуникативных типажей в Волгоградской лингвокультурологической школе под руководством В.И. Карасика (Карасик 2002; *Лингвокультурные типажы* 2005). Ученый говорит о “модельных личностях” – личностях влиятельных, с которых, так сказать, берут пример (внутри данной этнокультуры), личностях-символах (для представителей других этнокультур). В современной России, по мнению исследователя, выделяются три типа таких личностей: “Братан” (влиятельный уголовник, “вор в законе”), “Новый русский”, “Телевизионный ведущий” (Карасик 2002: 14). Следует отметить, что названные типы имеют небольшое отношение к (русскому) КИ и характерны только для России конца 90х годов XX века; для других эпох модельными личностями были, например, святой мученик (раннее христианство), декабрист (начало XIX века), русский интеллигент (рубеж XIX-XX веков). Эти типы, думается, уже значительно ближе к русскому народному КИ, хотя и не совпадают с ним полностью и тоже не лишены вариативности.

Какие же из содержащихся в компетенции коммуникативных сценариев имеют непосредственное отношение к коммуникативному идеалу?

Ответ на этот вопрос осложняется тем, что коммуникативный идеал также может варьироваться, по крайней мере, в некоторых культурах. Покажем это на нескольких примерах.

Для английской (позже – и англо-американской, а шире – всей современной западноевропейской культуры) идеалом, довольно мало меняющимся с ходом истории, остается *джентльмен* (*gentleman*) (a man who behaves well towards others and who can be trusted to keep his promises and always acts honourably [LDELIC]; a man who is always polite, has good manners, and treats other people well [LDCE]) – это не только и не столько коммуникативное понятие, но оно, безусловно, имеет ряд очень четких, практически однозначных коммуникативных проявлений (Вишаренко 1999; Ивушкина 1997; Оссовская 1987; Слышкин 1996). В то же время отмечалось (например, в Поспелова 2001), что английский КИ не исчерпывается понятием *джентльмен*: “образцовый” англичанин, по

замечанию В.И. Карасика, – человек с а м о и р о н и ч н ы й: “самоирония (*self-deprecation*) – весьма распространенный способ поведения англичан, который почти никогда адекватно не воспринимается иностранцами” (Карасик 2002: 109). Кроме того, самому понятию *джентльмен* присуща известная противоречивость, которая неоднократно отмечалась в литературе. Так, вежливость, учтивость, светскость оказываются чисто внешними качествами, скрывающими под собой фальшь и лицемерие (Старобинский 2002: 125).

Для понимания польского КИ оказываются важными такие, например, понятия польской культуры, как *honor, człowiek honoru* (ср. оппозиции: *honor ~ szlachetność; honor ~ pożałobienie; honor ~ pycha*) (Łaszkiwicz 2003).

Исследователями русского средневекового сознания и коммуникации (Лихачев 1979: 93; Колесов 1986) неоднократно отмечалась роль *самоуничижения* как ценности древнерусской письменной коммуникации, обусловливающей требования этикета: называя себя, пишущий избирал уменьшительную форму имени и прилагал к нему уничижительные определения, например:

...Все с(вя)т(ы)я угодники х(ри)с(то)вы... сподобили есте написати сию книгу га(аголе)м(ю) Пролог многогр(ѣ)шноу р(у)кою малоумнаго неч(е)ст(ив)аго безумнаго неразумнаго неистовнаго злонаврагнаго злокознаго злообразнаго злопоминаго злод(ѣ)ваго любов(ѣ)ваго злоключимаго вс(ѣ)жденнаго падшаго славаго унылаго л(ѣ)нваго нетерп(ѣ)ливаго сонливаго ропотливаго гн(ѣ)вливаго напраснаго помраченнаго отемненаго шканнаго ожесточелнаго нечувственаго непотребнаго вредоумнаго с(ѣ)мнаго с(ѣ)тнаго с(ѣ)роваго сверпаго р(ѣ)гателл(а) досадителл(а) постылаго мерьскаго скареднаго груснаго гроуваго глупаго худаго глухаго веднаго немощнаго см(е)ртнаго тленнаг(о) блуднаго раба Б(о)жия Парфения Маркова с(ы)на Злобина (“Пролог” 1550)

Современная русская речевая культура еще не исследовалась в подобных категориях, но можно предположить, что в русской культуре место, подобное *gentleman* или *człowiek honoru*, занимает *друг*.

Дружба, как и все концепты социальных отношений, имеет важное коммуникативное измерение и определенным образом формирует коммуникативный идеал. В русской речевой культуре (и некоторых других речевых культурах) собеседник тем лучше проявляет себя в межличностном общении (больше ориентирован на партнера, открыт), чем в большей степени выступает как *друг*, а общение в целом тем лучше.

чем оно в большей степени *дружеское* (см.: Дементьев 2004а; 2004б; Хизова 2005). Примеры такого общения (имеющие очень большое значение для формирования русской культуры) находим у поэтов и писателей пушкинского круга.

Тип *дружеского общения*, жанры дружеского общения составляют несомненную культурную ценность; наиболее характерный жанр открытого общения в русской культуре *разговор по душам* (РпД) имеет исключительное значение для системы основных ценностей русской культуры (Дементьев 2004а).

Показательно существование в русском языке оценочных лексем, которые обозначают качества человека, делающие его неспособным участвовать в РпД, и самого такого человека – прежде всего лексемы *обыватель*, как известно, непереводимой адекватно на другие языки. По мнению И.Т. Вепревой, негативная оценочность снимается с концепта *обыватель* в русском языковом сознании в постсоветскую эпоху: “Многочисленные контексты, включающие рефлексивы по поводу данной единицы, ориентируются на русскую культурную традицию, в которой не было отрицательного отношения к данному городскому сословию” (Вепрева 2002: 285). Нам кажется не вполне обоснованным утверждение И.Т. Вепревой: отрицательное отношение к обывателю существовало в России уже в конце XIX века:

Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти (А. Чехов, *Ионыч*).

Интенциональная структура, тематика и стилистика РпД охватывает, как это в целом характерно для коммуникативного идеала, все виды, формы и жанры фатической и нефатической коммуникации; в частности, по-видимому, именно данный КИ обуславливает такие типологические свойства русской фатики, отличающее ее от других национально-речевых культур, как несколько подозрительное отношение к излишней правильности, формальной изощренности фатической речи, а также фатическая центробежность как фактор существования и трансформации личностно нейтрального фатического

общения. Фатическая центробежность состоит (1) в слабой проработанности в структуре и редкой представленности в тексте средств лично нейтральной фатики (в том числе праздноречевых жанров, таких как *small talk* в английской и некоторых других западных культурах), их частых подменах смежными или генетически далекими от них речевыми жанрами, а также неустойчивости и слабой проработанности системы лично нейтральных обращений, и, наоборот, (2) в детальной проработке в системе, частом и естественном проявлении в речи полярных, в том числе экстремальных жанров, а также лично ненейтральных (в том числе экстремальных) обращений, гармонических и дисгармонических этически оценочных номинаций и т.д.

КИ определяет и поэтику общения в данной культуре (Дементьев 2005); так, по-видимому, далеко не случаен тот факт, что, например, поэтика Пушкина, во многом основанная на интонациях доверительного разговора по душам автора с читателем (к вторичным РЖ, развившимся на базе РпД, можно отнести не только дружескую лирику, например, *Послание к Чаадаеву* Пушкина, но и “кружковые разговоры” пушкинской эпохи: литературные кружки, письма, эпиграммы, кружковая речь, *causerie*, “дружеские враки” с особой семантикой, понятной только “своим” – например, в *Зеленой лампе*, *Арзамасе*, кружке Оленина), оказалась в такой степени востребована в России, начиная с 20х годов XIX века, и практически не востребована на Западе; ср. также такое уникальное явление русской культуры XX века, как авторская (бардовская) песня (Дьякова, Стернин 2005).

Впрочем, существует одно серьезное обстоятельство, препятствующее тому, чтобы считать концепт *друг* (и ассоциированный с ним тип дружеского общения *разговор по душам*) абсолютным и однозначным коммуникативным идеалом для русской культуры. Это обстоятельство необходимо рассмотреть подробнее.

Дело в том, что тип *дружеского общения* – не единственный коммуникативный идеал в русской коммуникативной культуре.

Как отмечается в (Дементьев 2004а: 63), в современной русской речевой культуре РпД занимает особое место среди жанров гармонического фатического общения: с одной стороны, стоящая за данным жанром система ценностей, норм и приоритетов является определяющей для общей системы представлений о хорошей фатической речи; с другой стороны, названная система представлений

двойственна и с определенного времени (приблизительно с XVIII-XIX вв.) ориентируется не только на нормы РпД, но и нормы совершенно другого – заимствованного из западных культур (прежде всего французской) – жанра фатического общения *светская беседа* (далее – СБ).

Эти культуры являются с точки зрения организации фатики центростремительными: экстремальная фатика встречается редко и в целом нехарактерна для коммуникации; в то же время детально проработана система средств общения типа *small talk*: лексика, стиль, набор тем, коммуникативные тактики, средства организации начала, продолжения и завершения контакта такого типа, который предполагает лично-нейтральные доброжелательные отношения. Все встречающиеся в обширном пространстве *small talk* средства других РЖ воспринимаются как в конечном счете вторичные и поглощаются общей тональностью *small talk*, не становятся инициативными репликами (порождающими актами) других жанров. Господство тональности *small talk* и – шире – тональности лично-нейтральной фатики проявляется в слабой дифференциации *small talk* и тех жанров, которые противопоставлены *small talk* очень отчетливо в русской речевой культуре (*дружеская беседа, семейная беседа, разговор по душам*). Лично-нейтральная фатика типа *small talk* в английской коммуникации может совершенно естественно и гармонично длиться часами, не вызывая сбоев и затруднений (см.: Фенина 2005).

Противоречивость русского КИ выражается в сосуществовании в русской речевой культуре противоположных сценариев, формулируемых на метаязыке семантических примитивов (понимаем разговор по душам как разговор *о главном*):

хорошо, когда человек хочет говорить с другими людьми о главном
плохо, когда человек хочет говорить с другими людьми о главном

По-видимому, истоки сосуществования в русской культуре настолько разных (даже противоположных) коммуникативных идеалов, а также истоки фатической центробежности кроются в общей оппозитивности русской культуры.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский (1994) усматривают ее историко-культурные истоки в том, что в православии отсутствует понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется или

как грешная, или как святая, без промежуточной зоны. На Западе промежуточная зона, связанная с понятием чистилища, стала после Реформации структурным резервом, на основании которого даже в протестантских странах могло развиваться представление о нейтральной жизни на земле, в то время как русская культура продолжала развиваться на основании поляризованных, черно-белых моделей. В русской культуре вследствие дуальной ценностной ориентации новое мыслилось не в категориях преемственности, эволюции, а как революционная ломка, "эсхатологическая смена всего" (там же: 341). Так, на разных этапах развития русской культуры возникали культурно значимые противопоставления типа "христианство ~ язычество", "христианство ~ мусульманский мир (татары, жители Кавказа, Средней Азии)", "православие ~ католицизм", "правильная вера ~ ложная вера", "европейское просвещение ~ патриархальный обскурантизм и азиатчина", "Россия ~ Запад", "знание ~ невежество", "социальный верх ~ социальный низ". В то же время переориентация ценностей, ломка старых отношений сопровождается внедрением некоторых старых моделей в новое мировоззрение в их зеркальном отображении (когда, например, такие языческие по сути праздники и ритуалы, как гадание на Святки, признаются христианской традицией). Таким образом, всякая новая система ценностей не просто противопоставит старой как сменяющий ее этап – она уже в самой себе содержит дуальность как органическую часть. Переоценка ценностей происходила в период христианизации Руси, в период петровских реформ, после социалистической революции и происходит в настоящее время. В период христианизации формируется система, где положительным считается все христианское, православное, а отрицательным – языческое; петровские реформы на первый план в качестве положительной ценности выдвигают все западное, связанное со светскостью, а старые патриархальные понятия, ценности, ритуалы отрицаются как темные, "дикие", "азиатчина". С одной стороны (официальная точка зрения), светскость противопоставляется православным добродетелям как престижное непрестижному, истинное – ложному, с другой стороны (неофициальная точка зрения), наоборот, светскость противопоставляется православным добродетелям как отрицательное, ложное, "бесовство" положительному, истинному. В советский период светскость меняет положительный знак на отрицательный, а в качестве положительного выступает все советское. Следует отметить, что официальная точка зрения в Советском Союзе в 60-70 годы была резко противопоставлена неофициальной. С неофициальной точки зрения, наоборот, все советское подвергалось отрицанию, презрению, и ему противопоставлялись – в разных слоях общества – как традиционные православные ценности, так и светскость. Наконец, в настоящее время и официально, и неофициально отрицается все советское, которому отчасти противопоставляется светское уже как нечто положительное, престижное и значимое. В то же время существует противоположная оценочная ориентация, отрицающая светское и противопоставляющая ему духовное, нравственное как положительное (часть российского общества рубежа веков выдвигает в качестве этого истинного, положительного... советское!).

Как меняются типы модельных личностей, названные выше, для России рубежа XX-XXI веков характерна смена коммуникативного

идеала; так, некоторые данные указывают на то, что в современной России разговор по душам может иногда оцениваться отрицательно.

Стремление разговаривать по душам в современной России может вызвать ответную насмешку; складываются даже устойчивые речевые маркеры такой насмешки. Так, по мнению В.И. Карасика, фраза “*А кому сейчас легко?*” в современной России стала “узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений” (Карасик 2002: 39). Ср. насмешливую фразу советского периода, произносимую в ответ на предложение поговорить по душам: *Я не прокурор, чтобы с тобой по душам говорить* и новое значение глагола *грузить* в современной русской разговорной речи: *грузить* 2. Навязчиво сообщать что-л. ненужное или неприятное, озабочивать какими-л. проблемами (Химик 2004: 125).

В целом комическое обыгрывание норм РпД – достаточно распространенное явление в русской речевой культуре. Существует много анекдотов на эту тему, многочисленные более или менее известные авторские юмористические тексты (некоторые из них обнаруживают тенденцию к прецедентности); ср. анекдоты:

Русского человека всегда тянет к культурному общению, оно помогает ему набраться ума, энергии, положительных эмоций. Или хотя бы просто набраться.

Встретились двое и начали искать третьего. Нашли, выпили, разошлись, а третий за ними. Они направо -- и он направо, они налево -- и он налево. Они останавливаются: -- Тебе чего? -- А поговорить!..

или обыгрывание суррогата РпД в песне В. Высоцкого:

Ну о чем с тобою говорить!
Всё равно ты порешь ахиною, –
Лучше я пойду к ребятам пить –
У ребят есть мысли поважнее.
У ребят серьезный разговор:
Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор:
От ларька до нашей бакалеи.

Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев выявляют в русских анекдотах стереотипы любимого времяпрепровождения русских: “Русские в русских

анекдотах бывают представлены как пьяницы, готовые на все за бутылку; они ленивы, абсолютно равнодушны к работе, к профессиональному успеху, к семье и детям, к сексу; превыше всего они ценят застольное общение с друзьями” (Шмелева, Шмелев 2002: 75).

Впрочем, само по себе комическое обыгрывание еще не свидетельствует о том, что объект обыгрывания перестал восприниматься как ценность; более того, карнавализация чего-либо как раз означает осмеяние некой сложившейся системы ценностей и норм, которая воспринимается как чрезмерно жесткая, устоявшаяся, но при этом вполне объективно существующая.

Добавим к сказанному следующее. Наряду с двумя отчетливо противопоставленными коммуникативными идеалами в русской культуре существуют другие, менее выраженные, но достаточно отчетливо осознаваемые представления об идеальном говорящем и идеальном собеседнике.

Коммуникативный идеал русской народной культуры, как уже было сказано, основывающийся на представлении о главенствующей позиции тематики и стилистики жанра разговора по душам, предъявлял требования, прежде всего, к собеседнику, важнее становится умение слушать, чем говорить (ср., например, жанр *serdeczna rozmowa* в польской речевой культуре (Дементьев 2004а). Светская беседа предъявляет требования в равной мере к говорящему и слушателю. В каком-то смысле говорящий, его умения оказались “не у дел” в русском фатическом общении. Эту лакуну заполняет особый тип говорящего, собеседника (он может быть *другом*, а может не быть им) – *изощренный враль* (*балагур*, *весельчак*, *шут гороховый*, *зубоскал*, *острослов* и т.д. – ср. Мироненко 2005), изображенный, например, А. Твардовским в поэме *Василий Тёркин*:

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

Безусловно, Василий Тёркин у Твардовского имеет отчетливое отношение к русскому национальному, народному идеалу (обратим внимание на сходство с формулировками на метаязыке семантических примитивов: “хорошо, когда...”: *Хорошо, когда кто врет / Весело и складно*). По мысли автора (и с ним в этом были солидарны советские фронтовики), в Тёркине сосредоточились лучшие качества русского национального характера, благодаря которым, собственно, и была выиграна Великая Отечественная война.

Ср. описываемый А. Вежбицкой (2002) для русской культуры жанр “художественного вранья”:

люди говорят два рода вещей другим людям
вещи одного рода – правда
хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям
вещи второго рода – неправда
нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям
плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти вещи – правда

“Художественное вранье”, по мнению А. Вежбицкой, не считается обязательно чем-то плохим, потому что оно не включает в себя последний компонент этого скрипта; ср.:

[...] Тем однако дорожи [читатель],
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

Если цель говорящего – обмануть собеседника, это *неправда* и это плохо; если же цель человека – заставить собеседника смеяться (хочу, чтобы тебе было смешно), – это *вранье*, которое даже может быть оценено положительно.

О том, что цель Тёркина состоит не в том, чтобы ввести в заблуждение своих собеседников, а в том, чтобы рассмешить их, свидетельствует следующий пример:

[...] Тут немецких тыща танков...
– Тыща танков? Ну, брат, врешь.
– А с чего мне врать, дружище?
Рассуди – какой расчет?
– Ну зачем же сразу – тыща?
– Хорошо. Пускай пятьсот.

Если бы целью Теркина было обмануть своих слушателей, вряд ли он так легко согласился на изменение своего рассказа. Слушатели понимают, что Теркин говорит в шутку, о чем свидетельствует фраза: “ну зачем же сразу – тыща”, т.е. если не “сразу” и не “тыща”, а, например, пятьсот, то это уже не такое большое отступление от истины, с этим можно и примириться. Таким образом, существует как бы два вида правды: бытовая, против которой можно и погрешить ради смеха, и высшая правда, “сухая”, которую уже ни в коем случае нельзя исказить, “как бы ни была горька”.

Можно и нужно сопоставлять КИ в разных культурах и классифицировать типы языковых личностей на основе степени полноты коммуникативной компетенции, но, по нашему мнению, следует признать бесперспективными, с одной стороны, попытки использовать формулировку КИ для одной культуры при изучении другой культуры, а с другой стороны – попытки противопоставить типы языковых личностей, выделяемых на основе соответствия / несоответствия коммуникативному идеалу.

Так, в разрабатываемой К.Ф. Седовым классификации типов языковых личностей (в зависимости от установки по отношению к участникам общения: установки на себя или на / против партнера по коммуникации – выделяются два кооперативных типа: кооперативно-актуализаторский и кооперативно-конформный, два центрированных типа: активно центрированный и пассивно центрированный, и два конфликтных типа: агрессор и манипулятор) выделяется “кооперативно-актуализаторский” тип языковой личности как высший уровень коммуникативной компетенции человека. Данный тип, по нашему мнению, представляет собой КИ в русской культуре, но не может считаться таким для других культур. Например, исследователь считает кооперативно-актуализаторским такой диалог:

- Эх / жизнь наша поганая / мать... [неценз.]!
- Да уж / [неценз.] жизнь! За... [неценз.] совсем!
- Ты меня понял! (Седов 2000: 307-308).

Очень трудно представить, что в английском или японском коммуникативном поведении такая форма речи была бы признана “хорошей”, гармонизирующей (и даже просто допустимой). По-видимому, среди

коммуникативных типов английской речевой культуры вообще не будет специального места для кооперативного актуализатора в понимании К.Ф. Седова как достаточно типичного явления данной культуры.

В этом отношении представляется важным разграничивать КИ – явление достаточно абстрактное, как и модель данного типа коммуникативного поведения, типа дискурса или языковой личности (своего рода условность, проистекающая из особенностей национальной коммуникативной системы), и конкретных “хороших людей”, которые ведут себя достойно в той или иной конкретной ситуации. Как всякая условность, правила КИ могут быть нарушены, если этого требуют некие более важные причины.

Так, князь Мышкин – “идеальный человек”, по замыслу Ф.М. Достоевского, – во многих отношениях действительно соответствует и нравственному (христианскому), и русскому коммуникативному идеалу.

В целом коммуникативную манеру князя можно охарактеризовать как:

- Искреннюю:

- Я этому очень рад, Парфен, – сказал князь с *искренним чувством*;

- Я не делал вам признаний, – ответил князь, покраснев, – я только ответил на ваш вопрос.

- Bravo, bravo! – закричал Фердыщенко. – По крайней мере *искренно*; и *хитро* и *искренно*.

Сам князь часто положительно оценивает людей именно за искренность. Например, Гане он говорит: “Да я удивляюсь, что вы так искренно засмеялись. У вас, право, еще детский смех есть”, Келлеру – “Главное то, что в вас какая-то детская доверчивость и необычайная правдивость. [...] Знаете ли, что уж этим одним вы очень выкупаете”,

- при этом вежливую:

Князь Мышкин привстал, *вежливо* протянул Рогожину руку и любезно сказал ему:

- С *величайшим удовольствием* приду и *очень вас благодарю* за то, что вы меня полюбили [...] Потому, я вам скажу откровенно, вы мне сами очень понравились.

Манера общения князя нередко описывается именно как вежливая:

Его (Лебедева) поразила внезапная рассеянность князя. Выходя, он забыл даже сказать “прощайте”, даже головой не кивнул, что несовместно было с известной Лебедеву вежливостью и внимательностью князя;

Как ни крепился лакей, а невозможно было не поддержать такой *учтивый и вежливый разговор*.

• и косвенную в тех сферах речи, когда затрагиваются личные интересы собеседника:

В разговоре с Ганей о его браке:

(Ганя): – Что же вы заключить хотите из этого?

(князь): – То, что вы не легкомысленно ли поступаете, не осмотреться ли вам прежде? Варвара Ардалионовна, может быть, и правду говорит.

(Совет дается в форме вопроса; поведение Гани названо *легкомысленным*, хотя ранее князь говорил, что жениться из-за денег на нелюбимой женщине *очень стыдно*; использование слов *может быть* и ссылка на чужое мнение также смягчают давление на адресата).

В то же время искренность и откровенность часто оказываются для князя Мышкина важнее вежливости:

(Аглая): – Я люблю Гаврилу Ардалионовича... – проговорила она скороговоркой, но чуть слышнее.

– Это неправда, – проговорил князь тоже почти шепотом.

– Стало быть, я лгу? Это правда; я дала ему слово третьего дня, на этой самой скамейке. [...]

– Это неправда, – проговорил он (князь) решительно, – вы все это выдумали.

– *Удивительно вежливо*;

– Решительно ничего не понимаю, – вскричал князь чуть ли не с гневом, – и ... *вы ужаснейший интриган!* – рассмеялся он вдруг *самым искренним смехом*.

В целом вежливость имеет ценность, когда является отражением истинного уважения к собеседнику. В этом отношении интересно сравнить два разговора князя с Евгением Павловичем: первый можно определить как поверхностно-вежливый и подчеркнуто несущественный, второй – действительно уважительный:

(Евгений Павлович): – Узнал, что и вы туг, [...] и так как давно уж и непременно предположил себе искать не только вашего знакомства, но и вашей дружбы, то и не хотел терять времени. Вы нездоровы? Я сейчас только узнал...

– Совсем здоров и очень рад вас узнать, много слышал и даже говорил о вас с князем Щ. [...]

Взаимные вежливости были произнесены, оба пожали друг другу руку и пристально заглянули друг другу в глаза;

– Я вам прямо скажу: я пришел искать вашей дружбы [...]

– [...] А за ваше доброе слово о дружеских отношениях очень вас благодарю [...] Ведь мы, пожалуй, и в самом деле кончим тем, что дружески сойдемся.

Данное отношение князя к вежливости вполне соответствует описанной многими исследователями роли вежливости в русской коммуникации. Например, Т.В. Ларина (Ларина 2003), анализируя представление об уважении в русской и англоязычной культурах, приходит к выводу, что для русских уважение – это, прежде всего, внутреннее отношение человека к кому-либо, в то время как для англичан это внешние проявления данного внутреннего состояния или имитация того, как ведет себя человек, испытывающий к кому-то подобное чувство.

Таким образом, рассмотренные выше примеры как будто бы позволяют сделать вывод, что князь ведет себя в полном соответствии с русским КИ.

В то же время можно найти немало случаев, когда князь нарушает как нормы русского этикетного поведения, так и нормы русского КИ: вспомним, как он, не дрогнув, говорит неправду в глаза генералу Иволгину только для того, чтобы не обидеть его; ср.:

(племянник Лебедева): – Вы что-то улыбаетесь, князь? Кажется, неправым меня находите?

– Я не улыбаюсь, но, по-моему, вы действительно несколько неправы, – неохотно отозвался князь.

– Да уж говорите прямо, что совсем неправ, не вилайте: что за “несколько”!

– Если хотите, то и совсем неправы.

– Если хотите! Смешно!

Собственно говоря, князь Мышкин так же отклоняется от нормы, как маргиналы: маргиналы нарушают нормы поведения из эгоистических соображений, князь – из чисто альтруистических, при этом он убежден,

что точно так же должны оперировать условностями (т.е. правилами поведения) все окружающие.

Вспомним разговор князя Мышкина с Лебедевым о генерале Иволгине: генерал, поддавшись порыву алчности, украл у Лебедева кошелек, а потом, устыдившись собственного поступка, подбросил кошелек назад. К тому времени пропажа была обнаружена, но Лебедев пока не сообщил о ней никому, кроме князя Мышкина. Лебедев обсуждает с князем, как ему следует поступить. Мышкин горячо просит его простить генерала, настаивая на том, что, во-первых, поступок генерала свидетельствует его раскаянии, во-вторых, – и это очень интересно – будто бы тот, подбросив кошелек без объяснений, тем самым уже совершил этикетное действие: он извинился, и извинился прямо:

– Помилуйте, да уж тем одним, что он так на вид положил вам пропажу, под стул да в сюртук, уж этим одним он вам прямо показывает, что не хочет с вами хитрить, а простодушно у вас прощения просит. Слышите: прощения просит! Он на деликатность чувств ваших, стало быть, надеется; стало быть, верит в дружбу вашу к нему. А вы до такого унижения доводите такого... честнейшего человека! [...] с ним будьте ласковы, но... не слишком делайте вид, и... и... знаете...

– Знаю, князь, знаю: то есть знаю, что, пожалуй, и не выполню; ибо тут надо сердце такое, как ваше, иметь.

Можем ли мы согласиться с князем Мышкиным в том, что генерал *уж этим одним прямо показывает, что прощения просит*? Конечно же, нет: это никак не может быть прямым извинением, а следовательно, не может быть извинением вообще. И Лебедева не удовлетворило такое “извинение”: он был тронут благородством Мышкина, заступающегося за генерала, но отказался следовать его совету. Лебедев фактически настаивает на прямом извинении, которого генерал предпочел бы избежать. Реакция Мышкина – это реакция сверхдобротного, сверхблагородного человека, но ее именно поэтому нельзя считать в этой ситуации обычной или стандартной.

Категория коммуникативного идеала недостаточно исследована. Типологизация коммуникативных концептов и ценностей на основе полевой модели, где ядро соответствует коммуникативному идеалу, а периферия – частным коммуникативным сценариям, позволяет изучать разные типы варьирования коммуникативных концептов для ядра и

периферии. Однако еще предстоит решить вопрос о том, соотносится ли в русском, английском, польском и т.д. представлении о коммуникативном идеале образцовая речь прежде всего с фатической или информативной речью. Далеко не решена проблема вежливости образцовой речи. Вероятно, различаются мужской и женский коммуникативный идеал (как различаются мужской и женский разговор по душам – Дементьев 2004а). Проблема настоятельно требует решения.

Литература

- Балашова Л.В., 2003, *Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка. – Прямая и непрямая коммуникация*, Саратов.
- Вежбицкая А., 2001, *Понимание культур через средство ключевых слов*, Москва.
- Вежбицкая А., 2002, *Русские культурные скрипты и их отражение в языке, “Русский язык в научном освещении” № 2 (4)*, Москва.
- Вепрева И.Т., 2002, *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*, Екатеринбург.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 2005, *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*, Москва.
- Вишаренко С.В., 1999, *Принципы структурирования концепта “honour” и текстовая реализация его ядерных компонентов (на материале ранне-новоанглийского периода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Санкт-Петербург.
- Гак В.Г., 1994, *Речевые рефлексии с речевыми словами. – Логический анализ языка. Язык речевых действий*, Москва.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., 1993, *Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие, “Вопросы стилистики”. Вып. 25*, Саратов.
- Гудков Д.Б., 2003, *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва.
- Дементьев В.В., 2004а, *Гендер и жанр: мужской и женский варианты русского речевого жанра разговор по душам, “Stylistyka” XIII*.
- Дементьев В.В., 2004б, *Речежанровое воплощение дружбы в русском и польском языках. – Польский язык среди других славянских языков: IV Супруновск. чтения: Конф., посв. памяти проф. Адама Евгеньевича Супруна*. Минск.
- Дементьев В.В., 2005, *О поэтике человеческого общения, “Stylistyka” XIV*.
- Дементьев В.В., Фенина В.В., 2005, *Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности, “Жанры речи”. Вып. 4*. Саратов.
- Дьякова Л.Н., Стернин И.А., 2005, *Жанр разговора по душам и русская авторская песня, “Жанры речи”. Вып. 4*, Саратов.

- Иванчук И. А., 2005, *Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры*, Санкт-Петербург, Саратов.
- Ивушкина Т. А., 1997, *Язык английской аристократии: социально-исторический аспект*, Волгоград.
- Карасик В. И., 1996, *Культурные доминанты в языке. – Языковая личность. Культурные концепты*, Волгоград.
- Карасик В. И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.
- Колесов В. В., 1986, *Мир человека в слове Древней Руси*, Ленинград.
- Красных В. В., 2002, *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*, Москва.
- Ларина Т. В., 2003, *Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах*, Москва.
- Лафарг П., 1930, *Язык и революция*, Москва.
- Лингвокультурные типажы 2005 – *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы*, Волгоград.
- Лихачев Д. С., 1979, *Поэтика древнерусской литературы*, Москва.
- Лихачев Д. С., 1987, *Красноречие Древней Руси (XI-XVI вв.). – Сокровища древнерусской литературы*, Москва.
- Лотман М. Ю., Успенский Б. А., 1994, *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века).* – Успенский Б. А. *Избранные труды*, Т. 1. Москва.
- Мироненко М. В., 2005, *Шутник как коммуникативный типаж: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Волгоград.
- Оссовская М., 1987, *Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали*. Москва.
- Поспелова А. Г., 2001, *Речевые приоритеты в английском языке: Дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук*, Санкт-Петербург.
- Рождественский Ю. В., 1978, *О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок. – Паремнологический сборник*, Москва.
- Савицкий В. М., 1996, *Проблема моделирования во фразеологической системе языка (на материале английских глагольных фразеологических единиц): Автореф. дис. ... докт. филол. наук*, Самара.
- Седов К. Ф., 1998, *Анатомия жанров бытового общения. – Вопросы стилистики. Вып. 27*, Саратов.
- Седов К. Ф., 2000, *Речевое поведение и типы языковой личности. – Культурно-речевая ситуация в современной России*, Екатеринбург.
- Сиротинина О. Б., 2003, *Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка. – Проблемы речевой коммуникации*, Вып. 2, Саратов.

- Слышкин Г.Г., 1996, *Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей)*. – *Языковая личность: культурные концепты*, Волгоград; Архангельск.
- Слышкин Г.Г., 2004, *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*, Волгоград.
- Слышкин Г.Г., 2005, *Речевой жанр: перспективы концептологического анализа*, “Жанры речи”, Вып. 4, Саратов.
- Сперанская А.Н., 1999, *Правила речевого поведения в русских поговорках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Красноярск.
- Старобинский Ж., 2002, *Поэзия и знание: История литературы и культуры*, Т. 1, Москва.
- Степанов Ю.С., 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
- Стернин И.А., 2003, *Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал*, “Мир русского слова”, № 2, Москва.
- Телия В.Н., 1996, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.
- Фенина В.В., 2005, *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Саратов.
- Фразеология в контексте культуры*, 1999, Москва.
- Хизова М.А., 2005, *Концепт “дружба” в русской и английской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Краснодар.
- Химик В.В., 2004, *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург.
- Хорошая речь*, 2001, Саратов.
- Шмелев А.Д., 2002, *Русская языковая модель мира*, Москва.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д., 2000, *Русский анекдот: текст и речевой жанр*, Москва.
- Язык о языке*, 2000, Москва.
- Языковая личность: культурные концепты*, 1996, Волгоград.
- Glass A.L., 1987, *The Comprehension of Idioms*, “Journal of Psycholinguistic Research”, vol.12, No.4.
- Leech G.N., 1983, *Principles of Pragmatics*. L.; N.Y.
- Łaszkiwicz H., 2003, *Pojęcie honoru w Carstwie Moskiewskim i w Rzeczypospolitej w XVI-XVII wieku. – Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*, Łódź.
- Seidl J., McMordie W., 1988, *English Idioms and How to Use Them*. 5th ed., Oxford: Univ. Press.
- Wood F.T., 1967, *English Verbal Idioms*, N.Y.: Washington Square Press.

Comparative Researching Cultures Through a Communicative Ideal

The article is devoted to researching cultures through a communicative ideal or absolute communicative value that covers the culture's basic communication rules shared by all speakers. This absolute ideal determines the concept of "good" and "bad" speech and is invariably considered when any language or speech unit is used.

The intentional structure, themes and style of the communicative ideal cover all types, forms and genres of phatic and non-phatic communication. Communicative ideal also determines the poetics of human communication within this culture.

It's possible to discover a communicative ideal through the language idioms which are formed by lexical units of the language naming the key value concepts of this culture.

Good material can also be gained from various reflexives or metalanguage comments, phrases about the language and speech which belong to various spheres and types of communication.

It may also be valuable to study the characters of national (Russian, English, Polish) literature who may be viewed as the models of the ideal communicative partners within these cultures.

The article discusses the probability of experimental study of a communicative ideal. It is also important that a communicative ideal occupies a significant place in the system of statements about the types of the national cultures which are formulated in a semantic primitive language. Thus, communicative ideal is formed by values described in a semantic primitive language through simple affirmative formulas: "It's good if..."

Communicative ideal as a rule is rather simple and clear for every speaker and is usually not an object of description and discussion. This mainly differentiates the communicative ideal from various communicative scenarios. However, a communicative ideal can also vary, at least, in some cultures. The typology of communicative concepts and values based on the field model where the centre corresponds with the communicative ideal and the periphery – particular communicative scenarios, enables to learn different types of communicative concepts variation for the centre and periphery.

Key words: *communicative ideal, communicative scenarios, metalanguage comments, speech genres, addressee of speech.*

